

Глава 9

Гордон, Лефорт и Всепьянейший собор

Принято считать, что царствование Петра Великого длилось сорок два года, – началось в 1682 году, когда его короновали десятилетним мальчиком, и завершилось в 1725 году с его смертью в возрасте пятидесяти двух лет. Тем не менее, как мы уже видели, в первые семь лет юные цари, Петр и Иван, были отстранены от всех практических государственных дел, а реальное управление находилось в руках их сестры Софьи. Казалось бы, естественно предположить, что по-настоящему петровское царствование началось летом 1689 года, когда партия Петра отняла власть у правительницы и рослый молодой царь, чьему титулу больше ничто не угрожало, торжественно вступил в Москву, где его встречал коленопреклоненный народ. Однако, как ни странно, юный монарх-триумфатор тогда править не начал. Еще пять лет он совершенно не участвовал в управлении Россией, с радостью вернувшись к той беззаботной юношеской жизни, которую он себе создал еще до бегства в Троицу, – тут было и Преображенское, и Плещеево озеро, и солдаты, и корабли, но не было ни официальной рутины, ни ответственности. Он хотел только, чтобы его оставили в покое и не мешали наслаждаться свободой. Петр проявлял полное равнодушие к государственным делам и позднее признавался, что в эти годы у него на уме были одни развлечения. Таким образом, истинное начало царствования Петра нужно относить не к 1682 году, когда ему было десять лет, и не к 1689-му, когда ему было семнадцать, но к 1694 году – в это время ему исполнилось двадцать два года.

Пока же управление страной осуществляли те несколько человек, кто поддерживал Петра и направлял его в конфликте с регентшей. Номинально их возглавляла теперь уже сорокалетняя Наталья, которая, однако, не обладала Софьиной самостоятельностью и легко шла на поводу у своих советников-мужчин. Правой рукой царицы был патриарх Иоаким – консервативный церковник, жестокий враг всех иностранцев, полный решимости искоренить западную заразу, проникшую в Россию при Софье и Василии Голицыне. Дядя царя и Натальин брат, Лев Нарышкин, получил важнейший пост начальника Посольского приказа – фактически стал новым премьер-министром. Это был добродушнейший человек, хотя и недалекий, который тешился своей новой обязанностью – устраивать для иноземных послов ослепительные приемы и роскошные пиры, где угощение подавали на золотых и серебряных блюдах. Когда же дело доходило до переговоров с этими послами и вообще до отправления должностных функций, ему оказывал огромную и столь необходимую помощь один из немногих профессиональных русских дипломатов, Емельян Украинцев. На боярина Тихона Стрешнева, старого друга царя Алексея и официального опекуна Петра, было возложено ведение всех внутренних дел. Последним в правящем трио был Борис Голицын, который сумел удержаться, несмотря на подозрения, долго висевшие над ним из-за попыток смягчить падение двоюродного брата, Василия Голицына. В правительстве появлялись и другие известные имена: Урусов, Ромодановский, Троекуров, Прозоровский, Головкин, Долгорукий. Некоторые из выдвинувшихся при Софье, например Репнин и Вениамин, сохранили свои посты. Борис Шереметев остался командовать южной армией, призванной сдерживать татар. И наконец, более трех десятков Лопухиных обоего пола, родственников молодой жены Петра, Евдокии, слетелись ко двору, чтобы, пользуясь ее положением, урвать что-нибудь и себе.

Россия от перемены властей только проиграла. Новым администраторам не доставало опыта и деловитости предшественников. За все пять лет не приняли ни одного важного закона, не сделали ничего для защиты Украины от опустошительных татарских набегов. При дворе царили раздоры, а в правительстве процветала продажность. Законность и порядок в стране ослабли. Вспыхнула всенародная ненависть к иностранцам: один из указов, принятый по настоянию патриарха, предписывал всем иезуитам в две недели покинуть страну. Другим указом велено было задерживать всех иностранцев на границе и тщательно выяснять, кто они такие и по какой надобности едут в Россию. Их ответы следовало посылать в Москву, а

самых путешественников держать на границе, пока не придет разрешение на въезд от центральных властей. Одновременно главе Ямского приказа Андрею Виниусу приказали поручить подчиненным вскрывать и прочитывать все письма, пересекавшие границу. Патриарх даже хотел уничтожить протестантские церкви в Немецкой слободе, и остановил его только указ, предъявленный обитателями слободы, которым царь Алексей некогда разрешил строительство этих храмов. Ксенофобия достигла такого размаха, что на московской улице толпа схватила одного иностранца и сожгла заживо.

И все же, как ни старался патриарх, был в России человек, чьих наклонностей он изменить не мог. Удручал Иоакима не кто иной, как сам Петр, много времени проводивший в Немецкой слободе, среди тех самых иностранцев, которых патриарх боялся как чумы. Впрочем, пока был жив Иоаким, Петр еще вел себя сдержанно. 10 марта 1690 года царь пригласил генерала Гордона ко двору на обед по случаю рождения сына, царевича Алексея. Гордон принял приглашение, но вмешался патриарх, неистово воспротивившийся появлению иноземца на праздновании в честь наследника российского престола. Взбешенный Петр все же уступил, приглашение отменили, но на следующий день он позвал Гордона в гости в свой загородный дом, обедал с ним, а затем вернулся вместе с шотландцем в Москву и по дороге беседовал с ним у всех на глазах.

Противоречие разрешилось само собой неделю спустя: 17 марта Иоаким внезапно умер. Он оставил завещание, в котором убеждал царя избегать общения с еретиками – и с протестантами, и с католиками, – гнать их всех из России, а самому отказаться от иноземных одежд и обычаев. Особенно он пекся о том, чтобы Петр не назначал иностранцев на официальные должности в государстве и армии, дабы они не командовали православными. Первое, что сделал Петр после похорон Иоакима, – заказал себе у немцев новый костюм, а через неделю впервые сам отправился на обед к Гордону, в Немецкую слободу.

Выбор нового патриарха зависел от разрешения спора, затеянного самим Иоакимом: либерализм или консерватизм, терпимость к иностранцам или яростная защита исконного православия? Образованная часть духовенства, пользовавшаяся поддержкой Петра, выдвигала митрополита Псковского Маркела, ученого церковника, который бывал за границей и говорил на нескольких языках, но царица Наталья, боярская верхушка, монашество и почти все низшее духовенство стояли за более консервативного Адриана, митрополита Казанского. Внутри церкви разгорелась борьба, и сторонники Адриана стали обвинять Маркела, что он уж больно учен, что католикам при нем будет лучше, чем православным, и что он сам уже впал в ересь. После пятимесячных словопрений выбрали Адриана – по словам разочарованного Патрика Гордона, за «невежество и недалекость».

Петр был уязвлен этой неудачей. Через семь лет он с горечью и негодованием описывал избрание Адриана в гостях у одного иностранца.

«Царь сказал нам, – передавал этот человек, – что, когда патриарх Московский умер, он задумал поставить на его место образованного священника, повидавшего мир, говорившего по-латыни, по-итальянски и по-французски. Но русские наперебой одолевали его просьбами не ставить над ними такого человека по трем причинам: во-первых, потому, что он говорил на варварских языках; во-вторых, из-за того, что у него была недостаточно длинная для патриарха борода; и, в-третьих, потому, что его кучер сидел на козлах, а не верхом на лошади, как полагалось».

* * *

Но на деле, независимо от указки или желания любого патриарха, Запад уже прочно утвердился всего в трех милях от Кремля. Под Москвой, по пути из города в Преображенское, стоял особняком удивительный западноевропейский городок, известный как Немецкая слобода. Посетители, бродившие по его широким, обсаженным деревьями улицам, вдоль двух- и трехэтажных кирпичных домов с большими, как принято было в

Европе, окнами или по нарядным площадям с фонтанами⁴⁷, едва могли поверить, что находятся в середине России. Позади солидных особняков, украшенных колоннами и карнизами, лежали искусно разбитые европейские сады с павильонами и прудами. По улицам катили экипажи, сделанные в Париже или Лондоне. Только маковки московских церквей, видневшиеся вдалеке, за полями, напоминали приезжим, что они за тысячу миль от дома.

Во времена Петра этот процветающий островок заграницы был сравнительно молод. Прежнее поселение для иностранцев, которое Иван Грозный основал в самом городе, было разорено во времена Смуты. После восшествия на престол первого Романова в 1613 году иностранцы селились где могли, по всему городу. Это раздражало московских консерваторов, не желавших, чтобы иноземцы поганили их святой православный город, и во время восстания 1648 года ватаги стрельцов нет-нет да и громили дома каких-нибудь иностранцев. В 1652 году царь Алексей объявил, что чужеземцам запрещается селиться и открывать церкви в священных стенах Москвы, но позволил основать новое поселение, Немецкую слободу, на берегах Яузы, где всем иностранным офицерам, инженерам, художникам, докторам, аптекарям, купцам, учителям и другим наемным специалистам на русской службе выделялись земельные участки в зависимости от их звания.

Первоначально колония состояла главным образом из немцев-протестантов, но к середине XVII века там появились многочисленные голландцы, англичане и шотландцы. Шотландцы, в большинстве своем католики-роялисты, бежавшие от Оливера Кромвеля, получали гарантированное убежище, невзирая на их религию, потому что царь Алексей был страшно разгневан казнью короля Карла I. Среди известных шотландских якобитов Немецкой слободы были Гордон, Драммонд, Гамильтон, Далziel, Кроуфорд, Грэхем и Лесли. В 1685 году Людовик XIV отменил Нантский эдикт и тем положил конец терпимому отношению к протестантам во Франции. Правительница Софья и Василий Голицын разрешили изрядному числу французских беженцев-гугенотов, спасавшихся от новых преследований, приехать в Россию. В результате к тому времени, как подрос Петр, Немецкая слобода представляла собой разнородное поселение, где насчитывалось три тысячи западноевропейцев, причем роялисты здесь соседствовали с республиканцами, протестанты с католиками, а их национальные, политические и религиозные разногласия сами собой смягчались, ведь все они жили теперь вдали от родины, в изгнании.

Замкнутое существование в обособленном пригороде помогало им сохранять обычаи и традиции Запада. Обитатели слободы одевались по-иноземному, читали иноземные книги, молились в своих лютеранских и кальвинистских церквях (католикам храмов строить не позволили, но священники могли служить мессу в частных домах), говорили на своих языках сами учили детей. Они поддерживали постоянную переписку с домом. Один из самых почтенных иностранцев, голландский резидент ван Келлер, обменивался письмами с Гаагой каждые восемь дней и держал Немецкую слободу в курсе всех свежих новостей о событиях за российскими пределами. Генерал Патрик Гордон с нетерпением ждал научных отчетов Лондонского королевского общества. Английские дамы получали томики стихов, тончайший фарфор и душистое мыло прямо из Лондона. Кроме того, присутствие среди обитателей слободы некоторого числа актеров, музыкантов и искателей приключений придавало ее жизни известную пикантность и разнообразие – они создали театр, устраивали концерты, балы и пикники, затевали любовные интриги и дуэли, чем развлекали и забавляли всю слободу.

Конечно, этот иноземный остров, центр более передовой цивилизации, не мог остаться вовсе нетронутым русским морем, его окружавшим. К домам и садам Немецкой слободы примыкали царские земли Сокольников и Преображенского, и со временем, несмотря на запреты патриарха, те из русских, кто был посмелее и жаждал новых знаний и умных бесед,

⁴⁷ Масштабы и импозантность Немецкой слободы – скромного и достаточно тесного поселения – преувеличены автором. – *Примеч. ред.*

начали вращаться среди иностранцев, живших всего в нескольких шагах. Через них иноземные нравы проникали в русскую жизнь. Вскоре русские, прежде смеявшиеся над «травоядными» иностранцами, тоже принялись есть салаты. Стал распространяться обычай курить и нюхать табак, хотя патриарх предал его анафеме. Некоторые из русских даже начали, подобно Василию Голицыну, подстригать волосы и бороды и вступать в беседы с иезуитами.

Влияние этих связей было взаимным, и многие иностранцы постепенно обрусели. Женщин из Европы в слободе было мало, и приезжие женились на русских, усваивали русский язык и позволяли крестить детей по православному обряду. Но все же большинство, в силу вынужденной замкнутости в Немецкой слободе, сохраняли западный образ жизни, язык и веру. Женьбы русских мужчин на иноземках оставались редкостью, поскольку немногие из западных женщин решались выходить за русских – боялись оказаться в униженном положении русских жен. Но и здесь постепенно происходили перемены. Госпожа Гамильтон вышла за Артамона Матвеева и уверенно распоряжалась в том доме, где царь Алексей встретил Наталью Нарышкину. По мере того как русские дворяне усваивали обычаи Запада, они все чаще женились на иностранках, смешанных браков становилось все больше, и эта практика процветала до самого конца Российской империи в 1917 году. С тех пор как царевич Алексей, сын Петра, женился на европейской принцессе, все русские цари, достигая брачного возраста, сами или с посторонней помощью выбирали невест на Западе.

* * *

С детских лет Немецкая слобода вызывала у Петра жгучее любопытство. Проезжая мимо, он видел с дороги красивые кирпичные дома и тенистые сады. Позже он познакомился с Тиммерманом и Брантом, с офицерами-иностранцами, надзиравшими за строительством его потешных крепостей и за артиллерийскими стрельбами, но до смерти патриарха Иоакима в 1690 году контакты Петра с иноземным пригородом оставались ограниченными. Когда же старый церковник умер, Петр так зачастил туда, что можно было подумать, будто он и вовсе там поселился.

В Немецкой слободе юный царь нашел пьянящее сочетание доброго вина, увлекательной беседы и товарищества. Обычно, коротая вместе вечер, русские просто пили до тех пор, пока все не засыпало или не кончалась выпивка. Иностранцы тоже пили изрядно, но в клубах табачного дыма, перекрывая стук пивных кружек, шел разговор о том, что делается на свете, о монархах и государственных мужах, ученых и воинах. Петра волновали эти беседы. Когда Немецкой слободе достигла весть о победе английского флота над французским при мысе Ла-Хуг в 1694 году⁴⁸, он пришел в восторг. Он попросил, чтобы ему дали текст реляции, тут же велел ее перевести, после чего принялся скакать и кричать от радости и приказал артиллерии салютовать в честь английского короля Вильгельма III. Этими долгими вечерами он немало наслушался и советов, касающихся России: нужно чаще проводить учения в армии, ужесточить дисциплину, регулярно платить солдатам, наладить торговлю с Востоком, используя для этого вместо Черного моря, контролируемого Османской Турцией, Каспий и Волгу.

Как только обитатели слободы поняли, что этот долговязый юный монарх к ним расположен, они стали всюду наперебой приглашать его. Его просили участвовать в свадьбах, крестинах и других семейных торжествах. Ни один купец не выдавал дочь замуж и не крестил сына, не позвав на пир царя. Петр часто выступал в роли крестного отца и держал над купелью детей католиков и лютеран. Он был шафером на многочисленных венчаниях и с увлечением отплясывал на свадьбах лихой деревенский танец под названием «гроссфатер».

В обществе, где воины-шотландцы были смешаны с голландскими купцами и немецкими инженерами, Петр, конечно, встречал немало людей, чьи идеи захватывали его.

⁴⁸ Битва при мысе Ла-Хуг, или Барфлер, произошла в конце мая 1692 года. – *Примеч. ред.*

Одним из них был Андрей Виниус, полурусский-полуголландец средних лет, принадлежащий одновременно к обеим культурам. Отец Виниуса был голландский инженер и коммерсант, который при царе Михаиле основал в Туле, к югу от Москвы, железоделательный завод, обеспечивший ему солидное состояние. Андрей Виниус был воспитан в православии. Так как он владел голландским и русским языками, то служил вначале в Посольском приказе, потом возглавил Ямской приказ. Он писал книги по географии, говорил на латыни и изучал римскую мифологию. У него Петр начал учиться голландскому и нахватался кое-каких сведений из латыни. В письмах к Виниусу царь подписывался «Petrus» и упоминал о своих «Нептуновых и Марсовых потехах» и о празднествах «в честь Бахуса».

Там же, в Немецкой слободе, Петр встретил еще двоих иностранцев, совсем не похожих друг на друга ни происхождением, ни характером, которые заняли в его жизни еще более важное место. Это были суровый шотландский наемный солдат, генерал Патрик Гордон, и неотразимо обаятельный швейцарский авантюрист Франц Лефорт.

Патрик Гордон родился в 1635 году в родовом поместье Охлекрис, близ Абердина на севере Шотландии. Он происходил из прославленной семьи пылких приверженцев католической веры, состоявшей в родстве с первым герцогом Гордоном и с графами Эрролским и Абердинским. Гражданская война в Англии исковеркала жизнь Гордона. Его семья принадлежала к числу стойких роялистов, а когда Оливер Кромвель обезглавил короля Карла I, он заодно превратил в ничто состояние и привилегии всех преданных сторонников Стюартов, так что с этих пор шотландскому мальчику-католику нечего было и мечтать о поступлении в университет или об успешной карьере на военном или гражданском поприще, и в шестнадцать лет Патрик отправился искать счастья на чужбине. Проучившись два года в иезуитском колледже в Пруссии, он сбежал в Гамбург и присоединился к группе шотландских офицеров, завербованных в шведскую армию. Гордон честно служил королю Швеции и не раз отличился, но, взятый в плен поляками, без колебаний перешел на их сторону. Это было обычным делом для наемных солдат удачи: периодическая смена хозяина не считалась зазорной ни у них самих, ни у правительств, их нанимавших. Через несколько месяцев Гордон опять попал в плен, и шведы склонили его вернуться к ним. Еще позднее его вновь взяли в плен, и он еще раз присоединился к полякам. Прежде чем ему исполнилось двадцать пять, Патрик Гордон успел четырежды сменить флаг.

В 1660 году династия Стюартов была реставрирована, на английский престол вступил новый король Карл II, и Гордон собрался было домой. Однако, прежде чем он отплыл, один русский дипломат, находившийся в Европе, сделал ему блестящее предложение – послужить три года в русской армии, начав в чине майора. Гордон согласился, но, добравшись до Москвы, обнаружил, что срок, оговоренный в его контракте, просто фикция: его, как ценного специалиста, никто не собирался отпускать. Когда он подал прошение об увольнении, ему пригрозили, что отправят в Сибирь как польского шпиона и католика. Временно примирившись со своей участью, он стал привыкать к московскому житью. Он быстро понял, что лучший способ продвинуться по службе – жениться на русской; женился, появилась семья. Шли годы, Гордон служил царю Алексею, царю Федору, Софье, воевал с поляками, турками, татарами и башкирами. Он дослужился до генерала, дважды побывал в Англии и Шотландии, правда московские власти задержали в России его жену и детей, чтобы наверняка обеспечить возвращение этого необычайно ценного для них иностранца. В 1686 году Яков II лично просил Софью отпустить Гордона с русской службы, чтобы он мог вернуться домой. Царственному просителю было отказано, и некоторое время правительница и Василий Голицын так гневались на генерала, что опять вспомнили об опале и Сибири. Тогда король Яков написал снова, сообщив о намерении назначить Гордона своим послом в Москве. Это назначение правительница также отклонила на том основании, что генерал Гордон не мог выполнять обязанности посла, ибо по-прежнему служил в русской армии и, более того, как раз собирался выступить в поход на татар. Итак, в 1689 году пятидесятичетырехлетний Гордон был всеми уважаем, невероятно богат (его жалованье

достигало тысячи рублей в год – для сравнения: лютеранскому пастору платили всего шестьдесят) и являлся старшим по чину офицером среди иностранцев Немецкой слободы. Вот почему, когда он, будучи главой офицерского корпуса, сел на коня и отправился в Троицкий монастырь к Петру, надеждам Софьи был нанесен последний удар.

Неудивительно, что Гордон – отважный, немало повидавший в странствиях, закаленный в боях, умевший хранить верность и вместе с тем всегда бывший себе на уме – притягивал Петра. Удивительнее то, что восемнадцатилетний Петр притягивал Гордона. Разумеется, Петр был царь, но служил же Гордон и другим государям, не питая к ним особого расположения. Просто в Петре старый воин обрел толкового, в рот ему смотрящего ученика и, выступая как бы неофициальным наставником в военном деле, учил Петра всем его тонкостям. За пять лет, прошедших после падения Софьи, Гордон из генерала, служившего по найму, сделался другом Петра.

Как оказалось, эта дружба сыграла в судьбе Гордона решающую роль. Став близким другом и советником юного монарха, он отказался от мечты вернуться доживать свой век в Шотландию и смирился с мыслью, что умрет в России. Так и случилось: в 1699 году старый солдат скончался, и Петр, стоявший у его смертного одра, закрыл ему глаза.

В 1690 году, вскоре после свержения Софьи, Петр подружился с другим иностранцем, совершенно не похожим на Гордона – с веселым и общительным солдатом фортуны, швейцарцем Францем Лефортом. На ближайшие десять лет Лефорту предстояло стать неизменным собутыльником и сердечным другом Петра. В 1690 году, когда Петру было восемнадцать, Францу Лефорту исполнилось тридцать четыре года. Ростом он был почти с Петра, но сложен покрепче узкоплечего царя; лицо имел красивое, с крупным, четко очерченным носом и умными, выразительными глазами. На портрете, написанном несколько лет спустя, он изображен на фоне петровских кораблей. Лефорт чисто выбрит, на шее у него небрежно повязанный платок, пышные локоны парика ниспадают на латы тонкой работы с гербом Петра – двуглавым орлом, увенчанным короной.

Франц Лефорт родился в 1656 году в Женеве, в семье богатого коммерсанта, и благодаря природному обаянию и остроумию очень быстро вошел в полное любезности и дружелюбия женевское общество. Вкус к веселой жизни быстро подавил в нем всякое желание заняться по примеру отца торговлей, и когда его отправили в Марсель поработать в конторе у одного купца, это ввергло его в такую тоску, что он сбежал в Голландию с намерением примкнуть к армии протестантов, сражавшейся против Людовика XIV. Там этот юный, всего лишь девятнадцати лет от роду, искатель приключений услышал о сказочных возможностях, открывающихся для иностранцев в России, и отплыл в Архангельск. Попав в Россию в 1675 году, он не смог устроиться на службу и два года прожил без дела в Немецкой слободе. Он никогда не впадал в уныние, всех покоряя своей неукротимой веселостью, и в конце концов карьера его наладилась. Лефорт стал капитаном русской армии, женился на кузине генерала Гордона и был замечен князем Василием Голицыным. Он дважды ходил с Голицыным в поход на Крым, но когда Гордон уводил офицеров-иностранцев от Софьи к Петру, в Троицу, Лефорт был в первых рядах. Вскоре после падения правительницы тридцатичетырехлетний Лефорт имел уже такой вес, что был произведен в генерал-майоры.

Петр пленился этим бесконечно обаятельным светским повесой. Блестящий, искрометный, он казался юному Петру совершенно неотразимым. Лефорт не отличался глубиной, зато был находчив и говорлив. В его речах слышалось дыхание Запада, привкус иной, европейской жизни, нравов, культуры. Лефорт не знал себе равных в застолье и на бальных паркетах. Он был выдающийся мастер устраивать банкеты, ужины, балы – с музыкой, вином и танцами и с непременно участием дам. С 1690 года Лефорт не расставался с Петром; они обедали вместе два-три раза в неделю и виделись ежедневно. Искренний, открытый, щедрый нрав Лефорта внушал Петру все большую привязанность. Если от Гордона Петр получал мудрый совет и здравое суждение, то Лефорт дарил веселость, дружбу, сочувствие и понимание. Петр смягчался и отдыхал в лучах его расположения, и когда царь вдруг разъярялся на кого-нибудь или на что-нибудь и начинал

буквально на всех кидаться и все крушить, один Лефорт решался к нему приблизиться – сгребал Петра в мощные объятия и держал, пока тот не успокаивался.

Успех Лефорта не в последнюю очередь объяснялся его бескорыстием. При всей любви к роскоши и дорогостоящим удовольствиям, он никогда не был алчен и не стремился обеспечить себя на черный день – за это свойство Петр ценил его еще больше и следил, чтобы все нужды Лефорта удовлетворялись с лихвой. Долги Лефорта платила казна; ему были предоставлены дворец и средства на его содержание; с головокружительной быстротой его произвели в чин полного генерала, затем адмирала и посла. Всего важнее для Петра было то, что Лефарту искренне нравилось жить в России. Он наведлся в родную Женеву, украшенный громкими титулами и имея при себе царскую грамоту, в которой Петр лично заверял отцов города, что их соотечественник пользуется великим почетом и уважением у него, российского государя. В отличие от Гордона, Лефорт никогда не мечтал вернуться на родину. «Мое сердце, – говорил он соотечественникам-швейцарцам, – осталось в Москве».

Попав в дом Лефорта, Петр как будто очутился на другой планете. Здесь было все – остроумие, обаяние, гостеприимство, увеселение, отдых и, как правило, волнуемое присутствие женщин. Иногда это были почтенные жены и хорошенькие дочки иностранных купцов и военных, в западных нарядах по последней моде. Но чаще – веселые, разбитные молодки, которым поручено было следить, чтобы никто из мужчин не заскучал; этих пышнотелых красоток не смущали казарменные шутки и вольные прикосновения грубых мужских рук. Раньше Петру были знакомы лишь чопорные, как деревяшки, существа женского пола, взращенные в теремах, и он с восторгом ринулся в этот новый мир. Под руководством Лефорта он довольно скоро уже и сам сидел окутанный табачным дымом перед кружкой пива, с трубкой в зубах, обхватив за талию хихикающую девушку. Материнские увещания, укоры патриарха, слезы жены – все было забыто.

Не много времени понадобилось, чтобы Петр остановил взгляд на одной из красоток. Анна Монс, немочка с льняными волосами, была дочерью виноторговца из Вестфалии. Репутация Анны была малость запятнана – Лефорт уже успел покорить ее. По описанию Александра Гордона, зятя упомянутого генерала, она была «чрезвычайно хороша», и когда Петр выказал интерес к ее светлым волосам, бойкому смеху и блестящим глазкам, Лефорт с готовностью уступил царю свой трофей. Как раз такая разбитная красавица и была нужна Петру: она могла и тост поддержать, и за словом в карман не лезла. Анна Монс стала его любовницей.

Легкомыслие и смешливость Анны не были ширмой, за которой скрывалось богатое внутреннее содержание, а нежность ее к Петру сильно подогревалась корыстолюбием. Она дарила свое расположение в обмен на знаки его внимания, и Петр осыпал ее драгоценностями, подарил ей загородный дворец и имение. Презрев протокол, он появлялся с ней в обществе русских бояр и иностранных дипломатов. Анна, естественно, начала надеяться на большее. Она знала, что жену свою Петр на дух не переносит, и постепенно внушила себе, что в один прекрасный день сменит царицу на престоле. Петру тоже приходила в голову такая мысль, но он не нашел необходимости в браке – его вполне устраивала и связь; так она и тянулась двенадцать лет.

Конечно, большую часть петровского окружения составляли не иностранцы, а русские. Они были друзьями его детства и прожили рядом с ним долгие годы в Преображенском. Другие, люди постарше летами, славные своими заслугами и принадлежностью к старинным родам, тянулись к Петру, невзирая на его неистовые сумасбродства и якшание с иностранцами, потому что он был помазанник Божий. Пожилой длинноротый князь Михаил Черкасский, приверженец старины, искал сближения с Петром из патриотических соображений, не в силах издали наблюдать, как юный самодержец повсюду болтается с чужеземцами. Подобные же чувства руководили и князем Петром Прозоровским, еще одним суровым и мудрым старцем, и Федором Головиным, опытным дипломатом России, который заключил Нерчинский договор с Китаем. Князь Федор Ромодановский, встав на сторону молодого царя, навсегда остался ему безгранично предан. Он ненавидел стрельцов,

от рук которых погиб его отец в боине 1682 года. Позже, став московским наместником и возглавив сыскное ведомство, он правил железной рукой, и когда в 1698 году вновь восстали стрельцы, Ромодановский обрушился на них, как карающий ангел возмездия.

Поначалу эта пестрая компания почтенных седобородых старцев, молодых гуляк и иноземных авантюристов являла собой странное сборище. Но время вылепило из них сплоченную группу, именовавшуюся Всешутейшим и всепьянейшим собором и повсюду следовавшую за Петром. Они без конца странствовали с места на место, бродили по московским окрестностям, норовя неожиданно нагрянуть в поисках стола и крова к какому-нибудь изумленному боярину. Численность этой диковинной свиты Петра составляла от восьмидесяти до двухсот человек.

Обычно пир веселой компании начинался в полдень и заканчивался на рассвете следующего дня. Угощение подавали раблезианское, но между переменами блюд делали перерывы, чтобы покурить, поиграть в шары или в кегли, посостязаться в стрельбе из лука и пищали. Застольные речи и здравицы сопровождалась не только одобрительными возгласами и веселыми выкриками, но и пронзительными звуками труб, и артиллерийскими залпами. Если играл оркестр, Петр лично бил в барабан. По вечерам танцевали, любовались фейерверками. Когда кого-нибудь из пирующих клонило в сон, он, как правило, попросту сползал со скамьи на пол и мирно храпел. Бывало, что половина компании спала под шум буйного веселья остальных. Иногда такие пиры затягивались на два или три дня, гости вповалку спали на полу, время от времени поднимаясь, чтобы поглотить очередную гигантскую порцию еды и питья, а затем вновь погрузиться в ленивую дрему.

* * *

Необходимым условием членства в петровском Всепьянейшем соборе было умение пить, но ничего нового или из ряда вон выходящего в невоздержанности друзей Петра не было. С незапамятных времен, как сказал великий князь киевский Владимир, «веселие Руси есть питие». Поколение за поколением западные путешественники и осевшие в России иностранцы отмечали, что пьянство здесь царило повсеместно. Крестьяне, духовенство, бояре, царь – никто не составлял исключения. По словам Адама Олеария, посетившего Россию при деде Петра, царе Михаиле, ни один русский по своей воле не упускал случая выпить. Напоить гостя допьяна полагалось непременно по правилам русского гостеприимства. Поднимая тост за тостом, да все такие, чтобы никто не смел отказаться, хозяин и гости опрокидывали кубок за кубком, всякий раз затем переворачивая чашу вверх дном у себя над головой, чтобы показать, что она пуста. Если гостей не развозили по домам мертвецки пьяными, считалось, что вечер не удался.

Отец Петра, царь Алексей, при всем своем благочестии, был такой же русский, как и всякий другой. Доктор Коллинз, личный врач Алексея, отмечал, как приятно бывало его коронованному пациенту видеть своих бояр славно подвыпившими. Бояре же, в свою очередь, всегда норовили как можно сильнее напоить иностранных послов. Простые люди тоже пили, но не столько за компанию, сколько чтобы забыться. У них была одна задача – поскорей дойти до отупения и отрешиться от обрыдлой, постылой действительности. И мужчины, и женщины несли в грязные кабаки свои последние ценности и даже готовы были пропить с себя одежду, лишь бы им дали еще водки. «Женщины, – сообщал другой западный очевидец, – нередко первые впадают в буйство от неумеренных доз спиртного, и можно видеть их, полуголых и бесстыдных, почти на любой улице».

Гуляка-сын царя Алексея со своим Всепьянейшим собором достойно поддерживал эти русские традиции. Хотя на своих пирушках они поглощали по большей части не слишком крепкое пиво и брагу, зато пили помногу и подолгу – Гордон в дневнике часто пишет о том, как много в очередной раз выпил Петр и как ему, зрелому мужчине, трудно держаться с ним на равных. По-настоящему сильно пить Петра научил Лефорт. Немецкий философ Лейбниц, видевший нашего швейцарца во время его путешествия с Петром по Европе в составе

Великого посольства, писал о Лефорте, что «никогда алкоголь не одолевает его, и он сохраняет трезвый рассудок... никто не может соперничать с ним... он оставляет трубку и стакан, когда уже три часа как рассвело». Но в конце концов и для них пьянство не прошло даром. Лефорт умер сравнительно рано, в сорок три года, а Петр – в пятьдесят два. Правда, в молодости эти безумные вакханалии не утомляли и не изнуряли Петра, а, казалось, наоборот – придавали ему силы для завтрашней работы. Он мог пить с товарищами всю ночь, а затем, пока они храпели в пьяном забытье, поднимался на заре и шел плотничать или строить корабли. Не многие могли с ним тягаться.

По прошествии некоторого времени Петр решил не оставлять устройство этих пиров на волю случая. Он любил два-три раза в неделю отобедать у Лефорта, однако тот, со своими ограниченными доходами, не мог обеспечить дорогостоящих приемов со всякими затеями, как любил молодой царь, и потому Петр построил для него большую залу, вмещающую несколько сот гостей. Но вскоре и там стало тесно, и тогда царь велел возвести красивый каменный особняк, роскошно убранный гобеленами, где помимо всего прочего были погреб и банкетный зал на полторы тысячи человек. Владельцем его считался Лефорт, но на деле особняк стал своего рода клубом для Всепьянейшего собора. Когда не было Петра, и даже когда отсутствовал Лефорт, оставшиеся в Москве участники этой компании собирались здесь есть, пить и веселиться всю ночь напролет, а расходы брал на себя царь.

Мало-помалу от беспорядочных попок и кутежей Всепьянейший собор перешел к более продуманным увеселениям и маскарадам. Петр, когда бывал в ударе, придумывал своим товарищам всякие забавные прозвища, и постепенно эти прозвища превратились в маскарадные роли. Боярин Иван Бутурлин получил титул «польского короля», потому что во время одного из военных учений в Преображенском командовал «вражеской» армией. Князь Федор Ромодановский, другой командир, защищавший потешный город-крепость Прешбург, стал «королем прешбургским», а потом дослужился до «князя-кесаря». Петр называл его «ваше пресветлое царское величество» и «мой государь король», и подписывал письма в Преображенское «твой всегдашний раб и холоп Питер». Эта игра, в которой Петр высмеивал свой собственный ранг и титул самодержца, продолжалась все годы его царствования. После Полтавской битвы пленных шведских офицеров привели к «царю», которого изображал Ромодановский, и лишь некоторые из шведов (а никто из них прежде настоящего Петра не видал) спрашивали себя, кем бы мог быть необыкновенно высокий русский офицер, стоявший позади потешного князя-кесаря.

Но пародия Петра на власть мирскую была невинной забавой в сравнении с тем издевательством, которое он с приятелями учинил затем над церковью. Всепьянейший собор преобразился во Всешутейший и всепьянейший собор дураков и скоморохов с потешным «князем-папой», конклавом кардиналов и целой свитой епископов, архимандритов, священников и дьяконов. Петр, хоть и был всего лишь просто дьяконом, руководил составлением устава для этого странного сборища. С таким же воодушевлением, с каким позже он станет составлять законы Российской империи, Петр старательно разрабатывал ритуалы и церемонии Всепьянейшего собора. Первая заповедь гласила, что «Бахус должен почитаться изрядным и преславным пьянством и получать должное ему». На практике это означало, что все чарки должно опорожнять сразу и что члены собора обязаны напиваться допьяна каждодневно и не ложиться спать трезвыми. Во время этих разгульных «молебнов» князь-папа, роль которого исполнял старый наставник Петра, Никита Зотов, пил за здоровье собравшихся, после чего благословлял коленопреклоненную паству и осенял ее сложенными крест-накрест двумя длинными голландскими трубками.

По церковным праздникам игры усложнялись. Бывало, на Святках компания человек в двести с песнями и свистом пускались «славить» Христа по Москве в битком набитых санях. Впереди всех ехал потешный князь-папа в санях, запряженных десятком плешивых мужиков. В наряде, унизанном игральными картами, с жестяной митрой на голове он восседал верхом на бочке. Выбрав, кого бы из дворян или купцов, что побогаче, осчастливить своими колядками, они вваливались в дома, и в благодарность за непрошенные песнопения хозяин

обязан был поить и кормить «славельщиков». А в первую неделю Великого поста через весь город за князем-папой плелась другая процессия, на этот раз – «кающихся грешников». Вся орава, в вывернутых наизнанку полушубках, ехала верхом на ослах и волах или в санях, влекомых козами, свиньями и даже медведями.

Свадьба любого из приближенных Петра вдохновляла Всешутейший и всепьянейший собор на необычные изобретения. В 1695 году пиры и празднества по случаю свадьбы Якова Тургенева, любимого царского шута, женившегося на дочери пономаря, продолжались три дня. Свадьба происходила в поле неподалеку от Преображенского. Тургенев с невестой прибыли на церемонию в лучшем царском придворном возке. За ними следовала процессия знатных бояр в самых фантастических нарядах – шляпах из бересты, соломенных сапогах, перчаток из мышиных шкурок, кафтанах, унизанных беличьими хвостами и кошачьими лапками; кто шел пешком, кто ехал в запряженных быками, козами и свиньями телегах. Празднество завершилось торжественным вступлением всей развеселой компании в Москву во главе с новобрачными, сидевшими верхом на верблюдах. «Шествие, – пишет Гордон, – было исключительно забавное». Однако шутка, пожалуй, зашла слишком далеко – через несколько дней жених, Тургенев, внезапно отдал Богу душу.

Хмельное существование Всепьянейшего собора, созданного, когда Петру было восемнадцать, продолжалось до конца его царствования, и зрелый человек, ставший уже императором, предавался грубому шутовству, как если бы он был все тот же необузданный юнец. Такое поведение, которое иностранные дипломаты находили вульгарным и скандальным, многим из подданных Петра казалось откровенным богохульством. Оно укрепляло православных консерваторов в уверенности, что Петр сам есть Антихрист, и они с нетерпением ждали, когда же гром небесный поразит нечестивца. Вообще-то Петр отчасти для того и учреждал Всепьянейший собор, чтобы дразнить, страшить и унижать церковных иерархов, особенно нового патриарха Адриана. Его мать и бояре, ревнители старины, добились победы над его ставленником, просвещенным, не в пример Адриану, Маркелом Псковским – пусть так! Петр отплатил, назначив своего собственного потешного патриарха. Глумление над церковными властями не только давало выход его досаде, но с годами стало отражать непрерывное раздражение, которое вызывала у него русская церковь в целом.

И тем не менее Петр уже учился осторожности. Всепьянейший собор не оскорблял в лицо Русскую православную церковь, ибо Петр очень быстро направил пародию в более безопасное русло, сделав непосредственным объектом насмешки Римско-католическую церковь. Первоначальный глава потешного собора, князь-патриарх, превратился в князя-папу, его свита состояла из коллегии кардиналов, а обряды и язык игры заимствовались не из православной литургии, а из католической. Против этого, конечно, возражало куда меньше русских.

Сам Петр не считал шутовство потешного собора богохульством. Несомненно, Господь слишком велик, чтобы обижаться на шутки и игры. Ведь что такое были все эти буйные забавы? Игры, и только. Они давали возможность психологической разрядки, снимали напряжение – возможно, грубым, нелепым, даже непристойным образом, – но члены собора в большинстве и не отличались утонченной чувствительностью. Это были люди действия, занятые государственным строительством и управлением: их руки вечно были в крови, известке и пыли. Они нуждались в полноценном отдыхе. Веселясь, они оставались верны себе – пили, хохотали, кричали, переодевались, танцевали, устраивали розыгрыши, высмеивали друг друга и все, что попадалось им на глаза, а особенно церковь, противившуюся всему, что они пытались сделать.

* * *

Русским современникам Петра в те годы казалось, что не только душа государя в опасности, но и его тело. Он непрерывно устраивал все более сложные и опасные фейерверки. На Масленицу 1690 года, когда Петр отмечал рождение сына, Алексея, зрелище

продолжалось пять часов кряду. Однажды увесистая ракета, вместо того чтобы разорваться в воздухе, стала падать на землю, угодила прямо в голову одному боярину и убила его на месте. По мере того как Петр приобретал опыт, эти пиротехнические представления становились все эффектнее. В 1693 году, после долгого салюта из пятидесяти шести пушек, в небе появилось изображение флага, словно сотканного из белого пламени, с монограммой князя Ромодановского латинским буквами, после чего возникла картина: огненный Геркулес, раздирающий пасть льву.

А еще была игра в войну. Всю зиму 1689–1690 года Петр не мог дожидаться весны, чтобы начать маневры потешных полков. Ужины царя с генералом Гордоном проходили в обсуждении новых европейских строевых и тактических приемов, которым предстояло обучить войска. Проверка боеспособности состоялась летом, во время учений, когда Преображенский полк атаковал укрепленный лагерь Семеновского полка. В ход пошли ручные гранаты и горшки с зажигательной смесью, и хотя делались они из картона и глины, все же, брошенные в скопление людей, представляли нешуточную опасность. Сам Петр пострадал при взятии земляного укрепления – взрывом горшка, начиненного порохом, ему опалило лицо.

Летом 1691 года полки готовились к крупномасштабному учебному сражению, намеченному на осень. Ромодановский, «король прешбургский», командовал армией, состоявшей из двух потешных полков и других войск, против которых была выставлена стрелецкая армия под началом князя Ивана Бутурлина, «короля польского». Жаркая битва, начавшаяся утром 6 октября, длилась два дня и закончилась победой «русской» армии Ромодановского. Но неудовлетворенный Петр велел повторить сражение, которое развернулось 9 октября, в самую непогоду: ветер, дождь, море грязи под ногами. Вновь одержала верх армия Ромодановского, но с настоящими потерями. Князь Иван Долгорукий получил огнестрельное ранение в правую руку, рана воспалилась, и через девять дней он умер. Гордон был ранен в бедро, и ему так жестоко обожгло лицо, что пришлось неделю пролежать в постели.

Одновременно Петр не забывал и о своих кораблях. В начале 1691 года двадцать голландских корабельных мастеров со знаменитой верфи в Саардаме (Зандаме) прибыли по контракту в Россию, чтобы ускорить строительство кораблей в Переславле. Наведавшись на Плещеево озеро, Петр застал этих людей вместе с Карстеном Брантом за работой над двумя маленькими тридцатипушечными фрегатами и тремя яхтами. Петр провел с ними только три недели, но в следующем году приезжал на озеро четыре раза и дважды оставался больше месяца. Вооружившись «императорским» декретом князя-кесаря Ромодановского, повелевавшим ему построить военный корабль от киля до клотика, Петр трудился от восхода до заката, ел на верфи и засыпал, только когда уже не мог стоять на ногах от усталости. Он до того увлекся, что ни в какую не хотел ехать в Москву – принять прибывшего персидского посла. Только когда на озеро явились двое главных членов его правительства, Лев Нарышкин и Борис Голицын, и стали внушать царю, сколь важно предстоящее событие, Петр с неохотой согласился отложить инструменты и следовать с боярами в столицу. Уже через неделю он снова был на озере.

В августе царь уговорил мать и сестру Наталью приехать полюбоваться на его верфь и флот. Среди прочих дам была и его жена, Евдокия. Весь месяц, что они провели на озере, Петр увлеченно маневрировал своей флотилией из двенадцати кораблей у них на виду. Сидя на пригорке над озером, дамы могли видеть, как царь в малиновом кафтане стоит на палубе, размахивает руками, показывает пальцем, выкрикивает распоряжения, – это озадачивало и пугало женщин, только-только вышедших на свет божий из душного терема.

В тот год Петр пробыл на озере до ноября. Когда же он наконец вернулся в Москву, дизентерия на шесть недель уложила его в постель. Он так ослаб, что многие опасались за его жизнь. Товарищи и сподвижники встревожились. В случае смерти Петра к власти неизбежно вернулась бы Софья, а их самих ждала бы ссылка, а то и казнь. Но царю исполнился всего двадцать один год, организм его был силен, и к Рождеству он начал

поправляться. К концу января он вновь проводил вечера в Немецкой слободе. В конце же февраля Лефорт дал пир в честь Петра, а наутро следующего дня, так и не сомкнув глаз, царь на весь Великий пост уехал в Переславль, строить корабли.

В этом, 1693 году Петр последний раз надолго задержался на Плещеевом озере. В последующие годы он дважды проезжал мимо по дороге к Белому морю, а еще позднее ездил на озеро проверять артиллерийское снаряжение для Азовского похода. Но с 1697 года он не бывал там вплоть до 1722 года, до Персидского похода. Минуло четверть столетия, и Петр обнаружил на озере заброшенные, полусгнившие суда и постройки. Он распорядился бережно сохранять все оставшееся, и некоторое время местные дворяне старались это распоряжение выполнять. В XIX веке каждую весну все духовенство Переславля всходило на баржу и в сопровождении множества лодок, полных народа, выплывало на середину озера – благословить воды в память о Петре.